Дин Хао понял, что это дело о коррупции, которое не слишком серьёзное, но и не совсем пустяковое — всё зависело от слова учителя. Взрослые в семье сейчас не могли вмешаться, так как любое их действие сразу бы вызвало обсуждения. Если не справиться с ситуацией, это легко может привести к конфликтам между детьми и одноклассниками, что сильно повлияет на учёбу. Если же действительно взяться за это, то придётся снова подкупить этого учителя, и если дети узнают об этом, особенно Бай Лу с её характером, реакция будет ещё более резкой.

Дин Хао решил после обеда вместе с Дин Хуном пойти посмотреть, во-первых, чтобы увидеть того парня Чжан Мэн, а во-вторых, чтобы оценить решительные действия Бай Лу. Он считал, что Бай Лу, выросшая в суровых условиях, вряд ли спокойно уступит.

У Дин Хао никогда не было особой связи с Бай Лу, и на этот раз не было исключения. Бай Лу действительно спокойно пожала руку Чжан Мэн и уступила место.

Дин Хао проспал весь день и, придя с Дин Хуном на репетицию, увидел эту сцену. Его глаза сразу загорелись. Он наблюдал, как Бай Лу с улыбкой передала головной убор ведущей танцовщицы Чжан Мэн и с улыбкой предложила учителю:

— Учитель, я думаю, стоит выбрать ещё нескольких учеников для отработки шагов солистки. Вдруг перед выступлением кто-то не подойдёт по росту или костюму, и тогда будет замена, чтобы не было пустых мест.

Хореограф, вероятно, чувствовал себя неловко перед Бай Лу, кивнул и спросил её:

— Как ты думаешь, кто из учеников танцует лучше?

— Сунь Тун, Ли Тин, — назвала Бай Лу несколько имен, подумала и добавила, — у них хорошая база, они смогут выполнить те движения, которые я делала...

Бай Лу действительно думала о танце. Чжан Мэн, танцевавшая в кордебалете, ещё ничего, но последние движения были сложными, и без хорошей подготовки их не выполнить. Все так старались на репетициях, и нельзя было позволить, чтобы все усилия пропали даром.

Чжан Мэн, только что надевшая головной убор, была довольна собой, но, услышав предложение Бай Лу, сразу вставила:

— Не нужно, я тоже могу! У меня тоже хорошая база, правда, учитель?

Хореограф заколебался. Чжан Мэн была стройной, и движения у неё выглядели красиво, но насчет базы он не был уверен. Посмотрев на Чжан Мэн, он снова напомнил:

— Ты должна справиться, не допусти ошибок.

Учитель уже начал сожалеть, ведь победа на городском конкурсе была важнее.

Дин Хун, увидев, что голосование не потребуется, облегчённо вздохнул и потянул за рукав Дин Хао, шепча:

— Может, пойдём?

Дин Хао сделал знак молчать и повёл Дин Хуна в обход зала к задней сцене, где они спрятались за кулисами, пригнувшись и наблюдая.

— Посмотрим ещё, куда торопиться, тут интересно!

Дин Хун нервничал, дергая за рукав Дин Хао:

— Не смотри, а то кто-нибудь придет…

Музыка для танца заиграла, и на сцене раздался гул. Дин Хао, не оборачиваясь, пробормотал:

— Кто сейчас придёт?

У Дин Хуна были острые, как у кролика, уши, и он услышал шаги. С грустным лицом он продолжал тянуть Дин Хао:

— Наш руководитель группы по реквизиту каждый день проверяет сцену. Пойдём, а то он заметит и расскажет учителю.

Дин Хао удержал его.

— Не шуми, смотри, у этих девочек ноги красивые!

Дин Хао, пригнувшись, смотрел снизу вверх, и вид был иным. Девочки в длинных платьях танцевали босиком, с серебряными колокольчиками на лодыжках. Когда они поднимали ноги, открывались изящные изгибы. Дин Хао ткнул Дин Хуна:

— Эй, смотри на ту, что в третьем ряду слева, у которой самая большая попа. Я тебе говорю, когда будешь искать девушку, ищи такую. Твоя мама точно одобрит, сразу видно, что она будет хорошо рожать!

Дин Хун покраснел. Они, прячась сзади, в основном видели спины девочек, и это не вызывало особых эмоций, но после слов Дин Хао взгляд невольно опустился ниже. Дин Хун хотел спрятать голову в одежду.

На сцене Бай Лу всё ещё стояла в первом ряду, отделённая от Чжан Мэн одним местом. Бай Лу редко держала зло, но на этот раз всё было слишком унизительно — это был чистый обман. С легкой долей мести она сделала то же, что и Чжан Мэн ранее, — заняла место в центре кадра.

Чжан Мэн, которая часто ошибалась в шагах и занимала центральное место, на этот раз сама почувствовала, каково это, когда тебя блокируют. Это была не только Бай Лу, но и те, с кем она не ладила, и те, кого она оттеснила, когда предложили практиковать ведущую партию. Все объединились, и радость Чжан Мэн от того, что она стала ведущей танцовщицей, исчезла после первого падения во время сложного движения.

Девочка, стоявшая перед камерой, услышала сзади звук падения, и пол задрожал. Учитель тут же встал и махнул рукой, чтобы она отошла:

— Эй, эй, что случилось? Чжан Мэн, ещё раз!

Чжан Мэн, держась за поясницу, поднялась и снова попыталась выполнить движение, но звук падения был таким же болезненным, как и в первый раз. На этот раз девочки рядом закрыли глаза, осмеливаясь смотреть только через щели между пальцами. Чжан Мэн, без танцевальной подготовки, падала по-настоящему, и её лицо выражало такую боль, будто её избили.

Хореограф был в ярости. Раньше он думал, что Чжан Мэн, несмотря на отсутствие базы, выглядит красиво в движениях, но теперь стало очевидно, что она не умеет танцевать. Его тон стал холоднее:

— Эй, Чжан Мэн, я сказал повторить прыжок и падение в сторону! Зачем ты снова упала на попу? Повтори, повтори!!

Бай Лу на этот раз не занимала место перед камерой, специально оставив пространство, чтобы учитель мог видеть, как Чжан Мэн танцует ведущую партию. Слушая повторяющиеся «ещё раз», она думала: «Что посеешь, то и пожнешь. Не бойся, время придёт!»

Старейшина Бай всегда учил Бай Лу рационально использовать имеющиеся ресурсы, и она считала, что в делах нужно оставлять запасной план. Девушка решила, что нельзя тратить все силы перед соревнованием, поэтому добровольно уступила. Она с отцом смотрела множество патриотических фильмов о войне, где герои, вернувшись с победой, в конце оказывались преданными своими же. С тех пор Бай Лу считала, что лучше погибнуть на передовой, чем быть преданной своими, это слишком позорно.

Погода стала холоднее, и девочки, репетировавшие несколько дней, уже освоили движения. Однако Чжан Мэн не могла справиться с последними движениями ведущей партии. Хореографу пришлось отправить всех остальных ждать, чтобы выделить время для индивидуальной репетиции Чжан Мэн. Она упорствовала, падая и получая синяки, но не сдавалась. В конце концов, хореограф сказал ей, что если она ещё раз упадёт и повредит лицо, то её снимут с выступления. Только тогда она, всхлипывая, сошла со сцены.

Бай Лу и другие девочки, укутанные в пальто, наблюдали, как Чжан Мэн падает и кричит от боли. Она считала, что это скучно. Рядом сидела бывшая ведущая танцовщица, которая, увидев, как Чжан Мэн падает, рассмеялась:

— Говорят, по силам и груз, зачем браться за то, что не можешь?

Она знала, что не справится, и давно уступила место. Чжан Мэн, не имея способностей, всё же цеплялась за это место, зачем мучиться?

Другие девочки, услышав это, начали обсуждать:

— Да ты как скажешь! Лицо-то у неё какое толстое! Скорее бы сошла вниз, и всё тут…

— Точно-точно, все из-за неё ждут!

— Не понимаете, у неё костюм специально сшит на заказ… Ведущая партия никогда не была её, она не умеет танцевать, но упрямится, вот и страдает!

Бай Лу, глядя на Чжан Мэн, которая сидела на сцене и вытирала слёзы, вздохнула.

Бай Лу размышляла, а Дин Хао, прячась за кулисами, тоже размышлял. Погода стала холоднее, и девушки надели пальто, так что белые ножки больше не были видны. Он видел только Чжан Мэн, сидящую на полу и плачущую. Её плач был каким-то странным, и Дин Хао не мог почувствовать сочувствия. Он проглотил слово «заслуженно», ведь она всё же была родственницей, и промолчал.

http://bllate.org/book/16605/1518290